

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кочеткова Анастасия Дмитриевна

**Мебельное убранство интерьеров эпохи классицизма
на примере московских домов и усадеб графов Шереметевых**

Специальность 5.10.3. Виды искусства
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

<i>Карев Андрей Александрович,</i> доктор искусствоведения, профессор
--

Официальные оппоненты: *Майстровская Мария Терентьевна,*
доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова, факультет искусства реставрации, кафедра истории и теории декоративного искусства, профессор.

Соколова Мария Васильевна,
доктор искусствоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра всеобщей истории искусства, старший преподаватель.

Торбик Владимир Сергеевич,
кандидат искусствоведения, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, кафедра реставрации, заведующий кафедрой.

Защита диссертации состоится «5» октября 2026 года в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, исторический факультет, ауд. А-416.
E-mail: art@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4014>

Автореферат разослан « » сентября 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М.Н. Архипова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Расцвет искусства интерьера в России пришелся на последнюю треть XVIII столетия, во многом став результатом художественной политики Екатерины II. Собственным примером императрица вдохновляла дворянство на эстетизацию повседневной жизни, чем способствовала формированию «новой породы» человека благородного сословия. Классицизм становится не просто модой, но формой мышления¹. Отныне интерьерное убранство транслировало идеалы эпохи Просвещения, предписывавшие «частному» человеку достойно жить по законам разума и вкуса². Главенствующая роль в предметно-пространственной среде интерьера отводилась мебели, «малой форме архитектуры»³. На отечественной почве она нередко проектировалась самими зодчими, что в значительной мере способствовало формированию канонов ансамбля. Важен и тот факт, что в эпоху классицизма произведения декоративно-прикладного искусства обретают некое право на самостоятельность, вместе с тем становясь яркими индикаторами и магистральной линии стиля, и сопутствующих ей течений.

По справедливому выражению О.С. Евангуловой, «эволюция интерьера продиктована теми же обстоятельствами, которые стимулируют общее направление художественного процесса»⁴. Неслучайно мебельное убранство петербургского и московского светского интерьера формировалось по различным сценариям, что обусловлено спецификой сложения стилевой ситуации в целом. Так, в Санкт-Петербурге дворцовые интерьеры эпохи классицизма обустраивались в соответствии со строгой регламентацией, навеянной западноевропейской традицией. Совершенно иная картина наблюдалась в Москве – республике российского дворянства, – где

¹ Николаев Е.В. Классическая Москва. М., 1975. С. 197.

² Сиповская Н.В. Фарфор в русской художественной культуре XVIII века : автореферат дис. ... док. иск. М., 2010. С. 10.

³ Федоров-Давыдов А.А. Вопросы стиля в интерьере жилых зданий // Русское и советское искусство. Статьи и очерки. М., 1975. С. 244.

⁴ Евангулова О.С. Светский интерьер Москвы конца XVII – начала XVIII в. // Русский город (Москва и Подмосковье). Вып. 4. М., 1981. С. 101.

представители аристократии ощущали большую независимость по причине территориальной удаленности от Двора. Нововведения, по мнению М.М. Алленова, не имели «в этой среде самостоятельной ценности и привлекательности до тех пор, пока не был найден способ ассимилировать, согласовать новое с устойчиво традиционным, обжитым, – способ сделать его уютным»⁵. Данный фактор в значительной степени объясняет своеобразие интерьеров в московской среде, где наблюдалось стремление к повышенной декоративности. «В Европе не знали этого города. В нем было 600 или 800 дворцов, каких нет в Париже. Все там было устроено для самого чистого украшения», – упоминал Стендаль⁶. Показательно и то, что «один и тот же человек вел себя в Петербурге не так, как в Москве»⁷. Характерным примером в области подобной дифференциации вкуса послужил, в частности, московский дом князя А.А. Безбородко, который в великолепии существенно превосходил петербургский⁸.

К настоящему моменту в отечественном искусствознании остро назрела потребность рассмотреть основные принципы формирования мебельного убранства в московских домах и подмосковных усадьбах эпохи классицизма, изучение которых способно осветить весьма широкий спектр актуальных вопросов. В этом контексте нас особенно интересует взаимодействие нескольких уровней: мирового и общеевропейского в проблематике стиля, национального в специфическом преломлении общеевропейского, собственно локального в «московских предпочтениях», семейного в продолжении сложившихся родовых традиций и, наконец, индивидуального. Исходя из вышесказанного, мебельное убранство трактуется в качестве культурного текста эпохи, обращение к которому значительно расширяет имеющиеся представления о художественных предпочтениях и укладе жизни просвещенного общества последней трети XVIII – начала XIX века.

⁵ Алленов М.М. История русского искусства. Кн. 2. М., 2000. С. 141.

⁶ Цит. по: Евсина Н.А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II. М., 1994. С. 4.

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2014. С. 250.

⁸ Пыляев М.И. Старая Москва. СПб., 2016. С. 433.

Степень научной разработанности темы. Интерес к дворцовому и усадебному интерьеру эпохи классицизма, как и к художественному наследию «осмнадцатого века» в целом, зародился в научном сообществе на рубеже XIX–XX столетий. В этот период его популяризации немало способствовали журналы «Старые годы», «Аполлон», «Столица и усадьба»; особая специфика московских интерьеров и мебельного убранства была впервые отмечена И.Э. Грабарем в статье «Несколько мыслей о современном прикладном искусстве в России», опубликованной в журнале «Мир искусства»⁹. В 1920–1930-е годы после национализации памятников культуры выходят работы, тесно связанные с музейной практикой; осуществляются первые опыты классификации мебели в соответствии с историческими эпохами и художественными направлениями (Г.К. Лукомский, А.И. Батенин, Н.Н. Соболев)¹⁰.

Издания, так или иначе затрагивающие конкретные проблемы декоративно-прикладного искусства, появляются лишь в 1950–1960-е годы. Послевоенный этап изучения темы ознаменован публикацией книги исследователя З.П. Поповой «Русская мебель конца XVIII века», в которой были предприняты попытки сопоставить предметы мебели с определенными интерьерами по материалам архивных описей усадебных домов старой столицы¹¹. Особого внимания заслуживают труды Е.В. Николаева о московском интерьере эпохи классицизма¹². В монографиях Т.М. Соколовой и А.М. Кучумова в научный оборот вводится множество ранее неизвестных памятников из ленинградских музейных коллекций, а также поднимаются вопросы формообразования мебели в контексте стилевой ситуации и архитектурной практики¹³.

⁹ Грабарь И.Э. Несколько мыслей о современном прикладном искусстве в России // Мир искусства. СПб., 1902. №3. С. 55.

¹⁰ Лукомский Г.К. Мебель. Берлин, 1923. 156 с.; Государственный музей мебели : Иллюстрированный каталог / сост. А.И. Батенин. М., 1925. 112 с.; Соболев Н.Н. Стили в мебели. М., 1939. 352 с.

¹¹ Попова З.П. Русская мебель конца XVIII века. М., 1957. 47 с.

¹² Николаев Е.В. Интерьер русского классицизма // Декоративное искусство СССР. 1966. №9. С. 21–27; Он же. Русский интерьер начала XIX века // Декоративное искусство СССР. 1967. №9. С. 12–17; Он же. Классическая Москва. М., 1975. 262 с.

¹³ Соколова Т.М. Очерки по истории художественной мебели XV–XIX веков. Л., 1967. 164 с.; Соколова Т.М., Орлова К.А. Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Л., 1973. 255 с.; Кучумов А.М. Русское декоративно-прикладное искусство в собрании Павловского дворца-музея. Л., 1981. 368 с.

В 1970–1980-е годы увидели свет первые серьезные исследования, сопряженные с проблематикой ансамбля¹⁴. Тогда же наметился и семиотический подход к изучению предметной среды, предложенный основателем московско-тартуской школы Ю.М. Лотманом¹⁵. Положение о свойстве интерьера выступать в качестве культурного текста, несущего несколько слоев информации, было развито авторами фундаментального труда, посвященного непосредственно феномену ансамбля¹⁶. Впоследствии эта линия нашла отражение в исследованиях И.А. Прониной, Р.М. Байбуровой, Н.А. Сивак¹⁷.

На современном этапе ведущая роль в изучении мебельного искусства XVIII – начала XIX века принадлежит петербургским музейным специалистам, опирающимся на крупнейшие дворцовые коллекции – И.К. Ботт (ГМЗ «Царское Село»), Н.Ю. Гусевой (ГЭ) и Т.Б. Семеновой (ГЭ). В сфере их интересов находятся стилевые градации и влияние западноевропейской традиции на отечественное мебельное дело, творческая манера русских и иностранных мастеров, материалы и техники отделки предметов мебели, а также актуальные вопросы атрибуции¹⁸. Особое значение для нас имеют публикации, освещающие деятельность придворных архитекторов в области проектирования мебели¹⁹.

¹⁴ Бартенев И.А., Батажкова В.Н. Русский интерьер XVIII – XIX вв. Л., 1977. 128 с.

¹⁵ Лотман Ю.М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Декоративное искусство СССР. 1974. № 4. С. 48–51.

¹⁶ Искусство ансамбля : Художественный предмет. Интерьер. Архитектура. Среда / науч. ред. М.А. Некрасова. М., 1988. 462 с.

¹⁷ Пронина И.А. Терем. Дворец. Усадьба : Эволюция ансамбля интерьера в России конца XVII – первой половины XIX в. М., 1996. 181 с.; *Она же*. Ансамбль интерьера. Понятие и методология изучения // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы: сборник статей. Вып. 3. М., 1997. С. 219–234; Байбурова Р.М. Русский усадебный дом середины XVIII века как элемент развлекательной культуры барокко // Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 69–87; Сивак Н.А. Семантика культурного пространства русского дворцового интерьера XVIII века : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2006. 173 с.

¹⁸ Гусева Н.Ю. Искусство русской мебели в 1700–1760-е годы : петербургские мастера и центры производства : дис. ... канд. иск. Л., 1986. 235 с.; Ботт И.К., Канева М.И. Русская мебель: История. Стили. Мастера. СПб., 2003. 512 с.; Ботт И.К. Царскосельская мебель и ее коронованные владельцы. СПб., 2009. 255 с.; Семенова Т.Б. Христиан Мейер, Микеланджело Перголези, Чарльз Камерон и мебель для Екатерины II // Царское Село на перекрестке времен и судеб. Материалы XVI Царскосельской научной конференции. СПб., 2010. С. 211–222; *Она же*. История Эрмитажа в зеркале витрин : каталог выставки. СПб., 2014. 157 с.; Гусева Н.Ю., Семенова Т.Б. Русская художественная мебель XVIII века в собрании Эрмитажа. СПб., 2015. 431 с.; Ботт И.К. Военные триумфы и европейская египтомания в интерьере и мебели XVIII – начала XIX в. // Триумф победы в зеркале искусства. Материалы XXVI Царскосельской научной конференции. СПб., 2020. С. 82–99.

¹⁹ Гусева Н.Ю. О мебельном убранстве в творческом наследии Кваренги // Джакомо Кваренги и неоклассицизм XVIII в. СПб., 1994. С. 36–38; Семенова Т.Б. О некоторых гарнитурах мебели по проектам К. Росси и О. Монферрана из Зимнего дворца // Прикладное искусство Западной Европы и России. Сборник научных трудов. СПб., 1999. С. 218–230; *Она же*. Эволюция стиля в творчестве О. Монферрана. Интерьер и мебель // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 156–167; Ботт И.К.

Показательно, однако, что весь этот исследовательский арсенал обращен к петербургскому материалу, тогда как московская мебель остается на периферии внимания школы.

В контексте интересующей нас проблематики принципиально важны труды московского искусствоведа И.К. Ефремовой (ГМЗ «Останкино и Кусково»). В ее кандидатской диссертации, построенной на сопоставлении архивных документов с сохранившимися памятниками, были впервые сформулированы художественные особенности московской мебели эпохи классицизма, выявлен широкий круг связанных с ее изготовлением мастерских и определен уникальный творческий метод мебельных мастеров²⁰. В дальнейших публикациях автор детально анализирует различные аспекты процесса стилизации в московской среде, концентрируясь на усадебной мебели²¹. Именно линию, намеченную И.К. Ефремовой, во многом продолжает настоящее исследование.

Непосредственное отношение к теме диссертации имеет литература, посвященная домам и усадьбам графов Шереметевых: изучению Кускова положили начало публикации И.М. Глозмана²², впоследствии значительный вклад внесли Л.В. Тыдман и В.С. Дедюхина²³; история строительства и интерьеры Останкинского дворца рассматривались в трудах К.А. Соловьева и

Мебель Чарльза Камерона // Пинакотекa. 2004. №18–19. С. 18–25; *Гарманов И.А.* Парадная мебель Зимнего дворца, созданная по проектам К.И. Росси и О.Р. Монферрана : стиль, материал, конструкция : дис. ... канд. иск. СПб., 2019. 250 с.

²⁰ *Ефремова И.К.* Мебель московских мастерских эпохи классицизма : Основные особенности: дис. ... канд. иск. М., 1998. 244 с.

²¹ *Она же.* Московская мебель эпохи классицизма в «английском вкусе» // Россия – Англия. Страницы диалога: Краткое содержание докладов V Царскосельской научной конференции. СПб., 1999. С. 80–85; *Она же.* Мебель в «этрuscoм вкусе» из усадеб Покровское-Стрешнево и Знаменское-Раек // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 57–67; *Она же.* Павловск и русская усадебная мебель конца XVIII века. Убранство Останкинского дворца графа Н.П. Шереметева // Русская усадьба. Вып. 9. М., 2003. С. 270–281; *Она же.* Стиль «жакоб» в усадебной мебели // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2003. №3–4 (6). С. 15–17; *Она же.* За кулисами останкинских празднеств: подготовка к парадному застолью в XVIII веке // Жизнь во дворце. Взгляд изнутри : сборник научных статей XXVIII Царскосельской конференции. СПб., 2022. С. 225–238.

²² *Глозман И.М., Тыдман Л.В.* Кусково. М., 1966. 55 с.

²³ *Тыдман Л.В.* Работа архитектора К.И. Бланка в Кускове : заказчик и архитектор в XVIII в. // Русское искусство барокко : Материалы и исследования. М., 1977. С. 216–226; *Дедюхина В.С.* Декоративное оформление интерьеров кусковского дворца и реставрация его золоченого убранства // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. 1981. №7 (37). С. 122–131; *Она же.* Кусково как историко-культурный комплекс XVIII в. : дис. ... к. и. н. М., 1982. 204 с.

Г.В. Вдовина²⁴, проблема частного заказа при формировании усадебного комплекса – в кандидатской диссертации Е.Э. Спрингис²⁵. Петербургские владения изучены неравномерно: история Фонтанного дома прослежена в работах Н.Е. Лансере, Б.М. Матвеева, А.В. Краско²⁶, однако его обстановочный комплекс и постоянное перемещение предметов между двумя столицами до сих пор не становились предметом специального изучения.

Методологически значимыми представляются исследования частного заказа, в которых эстетические предпочтения именитых заказчиков были признаны определяющими при создании произведений искусства эпохи классицизма (В.М. Чекмарев, Ю.И. Быкова, И.Г. Басова)²⁷. Всеобъемлющий портрет Н.П. Шереметева как просвещенного заказчика представлен в коллективном сборнике «Граф Николай Петрович Шереметев: Личность. Деятельность. Судьба»²⁸. В ходе исследования также привлекаются усадебоведческие труды В.С. Турчина, Т.П. Каждан и О.С. Евангуловой, рассматривающих дворянскую усадьбу как целостный культурно-художественный феномен²⁹.

²⁴ Соловьев К.А. Останкино: Путеводитель. М., 1944. 64 с.; *Он же*. Останкино. М., 1958. 136 с.; НА ГМЗ «Останкино и Куское» (структурное подразделение «Усадьба Останкино»). Ф. II. Инв. №573. Соловьев К.А., Елизарова Н.А. Останкино. Интерьеры дворца. 1960; Останкино : Театр-дворец / Г.В. Вдовин, Л.А. Лепская, А.Ф. Червяков. М., 1994. 319 с.; *Вдовин Г.В.* Краткие тезисы к проблеме интерпретации семантики усадебного пространства и его мифологемы (на примере Останкинского усадебного комплекса) // Искусствознание. 2003. №2. С. 245–271; *Он же*. Винченцо Бренна в Останкине. К истории строительства западного павильона дворца-театра // Пинакотекa. 2005. №20–21. С. 42–51; *Он же*. К семантике понятия «итальянское»: опыт позитивизма в изучении русской культуры конца XVIII века (на примере Итальянского павильона дворца в Останкине) // *Amant alterna саменае: сборник статей к 60-летию И.И. Тучкова*. М., 2017. С. 530–587.

²⁵ Спрингис Е.Э. Владелец-заказчик и формирование усадебного комплекса в конце XVIII – начале XIX в.: По материалам усадебного строительства графа Н.П. Шереметева : дис ... к. и. н.. М., 1999. 222 с.

²⁶ Лансере Н.Е. Фонтанный дом // Записки историко-бытового отдела ГРМ. Т. 1. Л., 1928. С. 61–80; Матвеев Б.М. История строительства и перестроек 1712–1990 // Усадьба графов Шереметевых «Фонтанный дом». СПб., 2012. С. 6–89; Краско А.В. Фонтанный дом его сиятельства графа Шереметева : жизнь и быт обитателей и служителей. М., 2019. 382 с.

²⁷ Чекмарев В.М. Влияние английской художественной культуры на становление и развитие русского садово-паркового искусства (до середины XIX в.) : дис ... док. иск. М., 2015. 1394 с.; Быкова Ю.И. Частный заказ в русском искусстве XVIII – начала XIX века и князя Куракины. М., 2016. 360 с.; Басова И.Г. Особенности художественного заказа и коллекционирования в России XVIII – первой половины XIX века на примере рода Апраксиных : дис. ... канд. иск. М., 2018. 300 с.

²⁸ Граф Николай Петрович Шереметев : Личность. Деятельность. Судьба / Г. Вдовин, И. Сапрунова, Е. Спрингис и др. М., 2001. 293 с.

²⁹ «...В окрестностях Москвы»: из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков / сост. М.А. Аникст, В.С. Турчин. М., 1979. 398 с.; Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. 319 с.; Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М., 2003. 304 с.

В западноевропейской литературе тема русского интерьера и мебельного дела XVIII – начала XIX века практически не фигурирует (редкие исключения – обзорные издания Ч. Мак-Коркодейла и М. Праза, альбом А. Шеневьера)³⁰. Однако первостепенное методологическое значение для нас имеет сложившаяся в британском и французском искусствознании традиция изучения документированных мебельных заказов (англ. *documented commissions*): публикации Л. Бойнтона и Н. Гудисона, К. Гилберта, П. Верле убедительно продемонстрировали плодотворность сопоставления архивных источников с сохранившимися памятниками при изучении убранства частного дома³¹. В последние десятилетия утвердился и социально-семантический взгляд на предметную среду интерьера (К. Скотт, М. Хеллман, А. Викери)³², однако отечественный материал в рамках этих направлений западными исследователями не привлекался.

Анализ историографии, таким образом, свидетельствует о том, что художественные особенности внутреннего убранства московских интерьеров эпохи классицизма все еще остаются недостаточно изученными. Вопрос об их своеобразии, поставленный И.Э. Грабарем еще в 1902 году, до сих пор не получил систематического ответа. Не существует на сегодняшний день и специальной работы, посвященной роли мебели в контексте интерьера, ее взаимосвязи с прочими компонентами целостного ансамбля. Все это подтверждает необходимость создания многоаспектного исследования, приступить к подготовке которого позволяет богатый методологический и фактологический потенциал.

³⁰ Мак-Коркодейл Ч. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. М., 1990. 247 с.; Praz M. *An Illustrated History of Interior Decoration: From Pompeii to Art Nouveau*. London, 1995. 388 p; Cheneviere A. *Russian Furniture: the Golden age. 1780–1840*. London, 1988. 312 p.

³¹ Boynton L., Goodison N. Thomas Chippendale at Nostell Priory // *Furniture History*. 1968. Vol. 4. P. 10–61; Gilbert C. Chippendale's Harewood Commission // *Furniture History*. 1973. Vol. 9. P. 1–31; Gilbert C. *The Life and Work of Thomas Chippendale*. London, 1978. 2 Vols; Verlet P. *French Furniture and Interior Decoration of the 18th Century*. London, 1967. 292 p.

³² Scott K. *The Rococo Interior: Decoration and Social Spaces in Early Eighteenth-Century Paris*. New Haven; London, 1995. 342 p; Hellman M. *Furniture, Sociability, and the Work of Leisure in Eighteenth-Century France* // *Eighteenth-Century Studies*. 1999. Vol. 32. No. 4. P. 415–445; Vickery A. *Behind Closed Doors: At Home in Georgian England*. New Haven; London, 2009. 382 p.

Проблема рассматривается в диссертации на примере мебельного убранства московских домов и подмосковных усадеб графов Шереметевых 1760–1800-х годов, что объясняется несколькими факторами. Во-первых, до настоящего времени в большинстве случаев сохранились сами памятники, а также довольно внушительный объем связанной с ними архивной документации. Во-вторых, дома и усадьбы Шереметевых являлись эталонными в своем роде и оказывали весьма существенное влияние на художественное решение интерьеров среднепоместного дворянства. Наконец, в-третьих, Шереметевы имели владения и в Петербурге, что позволяет сопоставить проявления их художественных вкусов в старой и новой столицах.

В первую очередь, в орбите исследования оказывается усадьба Кусково, где сохранились подлинные парадные и жилые интерьеры раннего классицизма, а также малоизученная коллекция мебели. Особое внимание в диссертации уделяется интерьерному убранству Останкинского дворца, представляющего собой яркий пример зрелой стадии развития стиля. Вместе с тем рассматриваются московские дома (на Никольской и на Воздвиженке) и две утраченные подмосковные усадьбы (Мещериново и Марково). В ходе выявления «московских предпочтений» также привлекаются материалы, связанные с домами и усадьбами М.М. Голицына, З.Г. Чернышева, А.А. Безбородко и других представителей аристократического общества старой столицы.

Объектом исследования является мебельное убранство интерьеров московских домов и подмосковных усадеб графов Шереметевых последней трети XVIII – начала XIX века. **Предметом исследования** выступают закономерности и специфика формирования предметно-пространственной среды усадебного интерьера эпохи классицизма.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1768 по 1809 год. Нижняя граница обусловлена переездом П.Б. Шереметева из Петербурга в Москву и начавшимся в этой связи активным усадебным строительством. Верхнюю хронологическую границу определяет кончина Н.П. Шереметева, до последних дней своей жизни остававшегося деятельным заказчиком и

собирателем. Датировка рассмотренных произведений мебели простирается от 1640-х до 1800-х годов: привлечение памятников, выходящих за обозначенные рамки, объясняется историей их бытования в составе шереметевского собрания, а также необходимостью проследить генезис рассматриваемых явлений; каждый подобный случай специально оговаривается в тексте работы.

Цель исследования заключается в выявлении основных особенностей мебельного убранства интерьеров московских домов и усадеб эпохи классицизма на примере собрания графов Шереметевых.

Для успешного достижения поставленной цели представляется необходимым сосредоточить внимание на следующих **задачах**:

1. Рассмотреть истоки формирования художественных предпочтений в семье графов Шереметевых, оказавших влияние на специфику частного заказа.
2. Показать роль заказчика и архитектора в создании мебельного убранства парадных интерьеров в Москве.
3. Выявить значение западноевропейских архитектурных увражей из библиотеки графов Шереметевых при создании предметов обстановки.
4. Проанализировать композиционные особенности формирования мебельного убранства парадных и жилых интерьеров.
5. Осмыслить мебель в контексте проблемы стиля, в том числе с учетом сопутствующих классицизму течений (шинуазри, тюркери, неоготики).
6. Определить содержательную программу мебельного убранства московских интерьеров эпохи классицизма.

Методология исследования основана на комплексном подходе, применение которого обусловлено многоаспектностью поставленных задач. Его фундамент составляет непосредственное натурное обследование памятников, позволяющее выявить авторские клейма, техники отделки и данные реставрационных зондажей. Оно сочетается с источниковедческим методом, подразумевающим критический анализ архивных материалов. В ходе изучения особенностей частного заказа используются элементы социологического подхода для определения социальных механизмов взаимодействия заказчика,

архитектора и мастера. Аналитическое ядро работы образуют формально-стилистический и сравнительный анализ (систематическое сопоставление предметов с западноевропейскими увражами), а также научная реконструкция утраченных интерьерных ансамблей по сохранившимся элементам их предметной среды и архивным описям. На интерпретационном уровне применяются иконологический анализ содержательных программ убранства интерьера, а также историко-культурный анализ практик репрезентации.

Источниковую базу работы можно разделить на следующие подгруппы:

1. Исторические документы из Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), а также Научного архива ГМЗ «Останкино и Кусково», включающие в себя главным образом архивные описи предметного наполнения домов и усадеб, а также хозяйственную переписку владельцев с управляющими.
2. Трактаты и увражи из библиотеки графов Шереметевых, которые активно использовались архитекторами и заказчиками при проектировании жилых строений.
3. Архитектурная графика из собрания ГМЗ «Останкино и Кусково», проливающая свет как на реализованные, так и на нереализованные проекты отделки интерьеров и мебельного убранства.
4. Мемуары и эпистолярное наследие русского дворянства, дающие возможность почерпнуть множество подробностей о художественной жизни эпохи Просвещения.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что оно является первой многоаспектной работой, всецело посвященной проблеме своеобразия мебельного убранства московских интерьеров эпохи классицизма. На примере конкретных памятников усадебного строительства и малоизученных предметов мебельного искусства, при анализе которых привлекается обширный пласт архивных материалов, сделаны выводы о специфике формирования целостного

ансамбля на отечественной почве. Впервые детально рассмотрена роль заказчика при создании обстановочного комплекса «покоев великолепия» в московских домах и усадьбах, выявлено значение западноевропейских архитектурных увражей при проектировании русского интерьера и освещены особенности заграничных закупок предметов обстановки. Наряду с этим в работе сведены воедино и систематизированы предписания западноевропейских теоретиков XVIII века, касающиеся мебельного убранства интерьера (Ж.-Ф. Блонделя, Ж. Боффрана, О.-Ш. Д'Авиле, Н. Ле Камю де Мезьера, Ж.-Ф. Бимона и др.). На этом фоне детально проанализированы композиционные средства, лежащие в основе формирования предметной среды как парадных, так и жилых интерьеров раннего и зрелого классицизма. В то же время мебель трактуется как своеобразный индикатор стремительно меняющихся художественных веяний, ввиду чего особое внимание в диссертации уделено не только магистральной линии стиля, но и сопутствующим ей течениям.

Теоретическая значимость. Диссертационное исследование, являющееся первой многоаспектной работой по мебельному убранству классицистического интерьера, прежде всего, расширяет имеющиеся представления о стилевой ситуации в московской среде XVIII века. Положения, изложенные в диссертации, могут быть востребованы при дальнейшем изучении специфики убранства русского интерьера, истории мебельного дела, проблемы частного заказа, а также при подготовке общих трудов по истории отечественного декоративно-прикладного искусства. Наряду с этим они могут быть полезны при составлении программ лекционных курсов по искусствоведению, культурологии и дизайну для студентов российских вузов.

Практическая значимость. В первую очередь, полученные выводы могут быть использованы в ходе реконструкции предметной среды московских интерьеров последней трети XVIII – начала XIX века. Вместе с тем результаты исследования окажутся полезны в музейной работе. С одной стороны, принципы формирования мебельного убранства жилых и парадных интерьеров эпохи классицизма, выявленные в диссертации, могут быть учтены при разработке

концепций постоянных экспозиций и временных выставок. С другой стороны, эталонная мебель из коллекции ГМЗ «Останкино и Куское», введенная автором работы в научный оборот со ссылками на архивные источники, позволит уточнить атрибуцию многих предметов из российских музеев и частных коллекций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В московской среде, в отличие от Петербурга, при проектировании мебельного убранства парадных и жилых интерьеров определяющей была роль заказчика, который к концу XVIII столетия становится полноценным «арбитром вкуса» и соавтором архитектора.
2. Московское дворянство, выступая в роли заказчиков, избирательно осваивало европейские принципы построения целостного ансамбля, руководствуясь как общезначимыми образцами, запечатленными в зарубежной архитектурной графике, так и собственными эстетическими пристрастиями и потребностями, которые наряду с местной художественной традицией наложили особый отпечаток на мебельное искусство московских мастеров эпохи классицизма.
3. В последней трети XVIII – начале XIX века мебельное убранство московских домов отличалось стилистической амбивалентностью; в пределах отдельного интерьера наряду с классицистической мебелью в «новом вкусе» были нередко представлены и изделия в духе шинуазри, тюркери или неоготики, а также устаревшие предметы в стиле барокко и рококо.
4. Предметы обстановки органично включались в семантическую структуру парадных интерьеров, транслируя основные мировоззренческие и философские концепции эпохи Просвещения. В период господства классицизма мебельное убранство наряду с произведениями скульптуры и живописи становится неотъемлемой частью аллегорических программ в «покоях великолепия» и «театрализованного» пространства усадебных павильонов.

Степень достоверности и апробация результатов работы. По теме диссертации опубликовано 9 статей, в том числе 5 статей в рецензируемых

научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук. Основные положения и выводы диссертации были изложены в рамках работы спецсеминара «Проблемы русского искусства XVIII века» под руководством доктора искусствоведения, профессора кафедры истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.А. Карева, а также на международных и всероссийских научных конференциях: XXVII Царскосельской научной конференции «Атрибуция предмета: интуиция, опыт, документ» (ГМЗ «Царское Село», 2021), международном научном форуме «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (СПбГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022), VII Ежегодном форуме молодых исследователей искусства и культуры «Научная Весна» (ГИИ, 2023), VIII Научно-практической конференции «Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков» (ГИМ, 2023) и XXXI Царскосельской конференции «Екатерина II и русская культура: личность и эпоха» (ГМЗ «Царское Село», 2025).

Структура работы определяется поставленными задачами: в первой главе рассмотрены особенности художественного заказа мебели, начиная от замысла и заканчивая его воплощением, во второй – проблемы организации мебельного убранства классицистического интерьера в контексте целостного ансамбля, в третьей – сопутствующие классицизму течения в художественном решении московской мебели и, наконец, в четвертой мебель трактуется как важный элемент семантической структуры интерьера. Диссертация сопровождается тремя приложениями в виде проектов западноевропейских и русских архитекторов и декораторов XVIII века, а также альбома с предметами мебели из исторического собрания ГМЗ «Останкино и Кусково».

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, подчеркивается актуальность избранной темы, излагаются цель и задачи диссертационного

исследования, обосновывается его методологическая база, рассматриваются хронологические рамки работы, теоретическая и практическая значимость исследования, а также основные положения, выносимые на защиту. Особое место занимает обзор историографии по теме исследования, который построен по тематико-хронологическому принципу, с выделением отдельных проблем, актуальных для изучения рассматриваемого явления.

Первая глава посвящена особенностям частного заказа мебели для московских интерьеров в последней трети XVIII – начале XIX века. В первую очередь освещаются истоки формирования художественных предпочтений графов Шереметевых – Петра Борисовича (1713–1788) и его сына Николая Петровича (1751–1809), известных знатоков и ценителей искусства своего времени.

Рельефное представление о степени образованности заказчиков эпохи Просвещения позволяет сформировать состав книжного собрания графов Шереметевых. В рамках интересующей нас проблемы пристального внимания заслуживает раздел по архитектуре, содержащий специальные руководства с пространственными рекомендациями по обустройству парадных и жилых помещений. Широко тиражировавшиеся печатные издания, составленные выдающимися архитекторами и декораторами XVIII столетия, немало способствовали распространению канонов нового стиля и оказывали существенное воздействие на становление творческого метода русского классицизма.

В сохранившейся описи книжного собрания приводятся 343 издания по архитектуре, которые структурно можно разделить на две основные группы. Во-первых, это труды сугубо теоретического плана, позволяющие читателю проследить за развитием архитектурной мысли, постичь ключевые законы зодчества и тем самым приобщиться к «хорошему вкусу»; во-вторых – сборники проектов и гравированные увражи с пояснительными комментариями, которые явились наглядным пособием при строительстве собственных домов и формировании их предметной среды.

Количественно в библиотеке графов Шереметевых преобладали труды представителей французской школы, что ярко отражает феномен галломании, характерный для русского художественного обихода XVIII века. Рецепция идей французского неоклассицизма на отечественной почве происходила с освоением наследия и «древних», и «новых», в рамках которого русские мастера последовательно вырабатывали вполне самобытный национальный почерк. Так, в состав шереметевского собрания вошли труды Н.-Ф. Блонделя, О.Ш. Д'Авиле, Ш.-Э. Бризё, М.-А. Ложье, Ж.-Ф. де Неффоржа, Н.М. Потена, Н. Ле Камю де Мезьера.

Вместе с тем в шереметевском собрании находился и богатый спектр иллюстрированных сборников французских декораторов, включавших многочисленные проекты отделки самых различных элементов жилых интерьеров и произведений прикладного искусства. К ним относятся работы знаменитого представителя стиля рококо Ж.-О. Мейссонье, а также приверженцев неоклассицизма – Ж.-Ф. Буше, Р. де Лалонда, П. Рансона; особенно востребованы оказались модные увражи Ж.-Ш. Делафосса, 686 проектов которого насчитывалось в шереметевской библиотеке.

В последней четверти XVIII века произошла известная переориентация господствующих вкусов, в связи с чем взоры просвещенного общества обратились в сторону британского искусства. Эту тенденцию всецело отразил состав изданий в библиотеке Шереметевых, включавший в себя канонический трактат шотландского зодчего У. Чемберса, а также многочисленные руководства по парковому строительству 1780-х годов – труды Дж. Пеина, Дж. Миллера, У. Райта, Ч. Миддлтона и др. В книжное собрание вошел и фундаментальный трактат «Работы по архитектуре», составленный британскими архитекторами братьями Адам, сочинения Дж. Ричардсона, увражи М.А. Перголези, руководство крупнейшего мебельного мастера позднегеоргианского стиля Дж. Хэпплуайта.

Важное место в архитектурном разделе отводилось работам итальянских теоретиков и практиков: «Десять книг об архитектуре» Марка Витрувия

Поллиона, «Десять книг о зодчестве» Л.Б. Альберти, «Правило пяти ордеров архитектуры» Дж. де Виньола. Хранились в библиотеке и другие классические труды итальянских зодчих – например, «Четыре книги об архитектуре» А. Палладио и «Идея универсальной архитектуры» В. Скамоцци. В итальянской части шереметевского собрания был весьма разнообразен состав архитектурных увражей, датировавшихся преимущественно XVIII веком (Д.-Б. Пиранези, Ж. Барбо, К. Антонини).

Анализ книжного собрания показывает, сколь велика была степень вовлеченности отечественных заказчиков в общемировой художественный процесс. Если Николаю Петровичу довелось собственноручно увидеть известные западноевропейские памятники и дворцы в ходе масштабного Grand Tour, то его отец Петр Борисович лишь единожды за всю свою жизнь побывал за границей по долгу военной службы. Тем не менее благодаря гравированным изданиям он имел отчетливое представление и об античных древностях, и об облике французских королевских резиденций, и о последних тенденциях в области садово-паркового искусства.

Далее рассматривается взаимодействие заказчика и архитектора при создании интерьерного ансамбля в московских домах и усадьбах. Если в художественной среде Санкт-Петербурга ведущая роль в ходе проектирования и выбора предметов мебели и декоративных элементов принадлежала архитектору, то в Москве дело обстояло иначе. Хотя в разработке проектов мебельного убранства парадных интерьеров старой столицы принимали самое непосредственное участие и московские, и петербургские архитекторы, в этом процессе была чрезвычайно велика роль заказчика. Уже в период раннего классицизма граф Петр Борисович выступал полноценным соавтором московского архитектора К.И. Бланка, излагая свои замыслы на высоком профессиональном уровне и демонстрируя глубокую осведомленность в области передовых художественных веяний.

К концу столетия его сын Николай Петрович, получив европейское образование, уже являлся неоспоримым арбитром вкуса и организовывал

предметно-пространственную среду по собственному усмотрению. Именно вдали от строгих регламентов Двора пространство усадьбы становится благодатной почвой для апробации оригинальных творческих замыслов заказчика. Характерно, что все оригинальные проекты придворного архитектора Бренны, связанные с останкинскими интерьерами, в той или иной степени непременно перерабатывались мастерами под воздействием местной традиции и пожеланий заказчика. На примере деятельности Н.П. Шереметева мы сталкиваемся с проявлением такого феномена, как «усадебный дилетантизм» (термин О.С. Евангуловой). Непосредственное участие графа в проектировании интерьеров в целом и мебели в частности демонстрирует желание превратить пространство усадьбы в некий полигон для апробации собственных художественных затей, формирование которых стало результатом высокого уровня образованности.

В московских условиях некоторой отстраненности архитектора от проектирования целостного ансамбля убранства интерьера и превалирования роли просвещенного заказчика особое значение приобретали архитектурные увражи западноевропейских декораторов, которые воспринимались современниками в качестве образца для подражания. На ранней стадии развития классицизма определяющую роль при создании московской мебели играли гравированные сборники французских декораторов Ж.-Ф. Буше и Ж.-Ш. Делафосса. Предметы обстановки кусковского Большого дома нередко становились результатом прямого копирования образцовых проектов, а также щедро украшались декоративными элементами из популярных увражей 1770-х годов. Заказчик мог самостоятельно выбирать те или иные эскизы, хранившиеся в собственной библиотеке, и предоставлять их вольным или крепостным мастерам для реализации. В стилевом отношении этот выбор составлял довольно однородную картину – как и многие просвещенные аристократы того времени, П.Б. Шереметев явно отдавал предпочтение французской художественной школе.

Во второй половине 1780-х годов с утверждением зрелого классицизма наступает известный перелом в развитии русской архитектуры. Говоря о мебели этого периода, приходится учитывать и французскую традицию, и набирающую популярность англоманию, и стремительно возрастающие позиции «археологизирующего» классицизма. В это время художественный строй предметов русской мебели нередко становился результатом компиляции нескольких различных проектов из гравированных увражей, своеобразной квинтэссенцией понимания категории «прекрасного» архитекторами, заказчиками и мастерами. В этой связи можно говорить о национальной специфике мебельной школы, которая к концу екатерининского правления отличалась невероятным разнообразием продукции.

В тех случаях, когда работы российских мастеров по тем или иным причинам не удовлетворяли эстетические запросы заказчика, целенаправленно приобреталась западноевропейская мебель, предлагавшаяся на продажу купцами-комиссионерами. П.Б. Шереметев далеко не всегда высоко оценивал как сам уровень художественной промышленности в Москве, так и представленный в старой столице ассортимент привозных товаров. Закупки мебели за рубежом, то есть в Париже и в Лондоне, осуществлялись графом преимущественно в 1760-х – первой половине 1780-х годов. Ситуация меняется к концу столетия, когда подобная практика становится эпизодической (с одной стороны, в связи с развитием отечественной школы, с другой – благодаря строгим таможенным ограничениям). Неслучайно практически вся мебель, приобретенная Н.П. Шереметевым в 1790-е – 1800-е годы, была выполнена русскими мастерами, причем главным образом выходцами из московской среды.

Во **Второй главе** обстановочный комплекс московских интерьеров рассматривается в контексте проблемы ансамбля. Прежде всего мебельное убранство анализируется в русле стилевой ситуации, отличавшейся в московской среде особой спецификой развития. С одной стороны, предметная среда интерьера формировалась здесь в соответствии со всеобщими классицистическими принципами гармонии и упорядоченности. Однако с

другой стороны, характер реализации этих законов на практике мог ощутимо варьироваться под влиянием сложившейся локальной традиции и в то же время собственных представлений о прекрасном. В Первопрестольной, гораздо более свободной от строгой регламентации, чистота стиля далеко не всегда возводилась заказчиком на пьедестал. Так, в 1770-е годы граф П.Б. Шереметев в парадных интерьерах своей излюбленной усадьбы Кусково размещает как изделия в «новом вкусе», так и стилистически устаревшие вещи. Среди московского дворянства отнюдь не он один хранил «привычки милой старины», что, судя по всему, вдали от строгих художественных регламентов петербургского Двора было вполне дозволительно.

На первый взгляд, в 1790-е годы стилевое единство в интерьерах становится более выдержанным. В предметной среде московских усадеб сливаются воедино различные грани зрелого классицизма, которые, тем не менее, оказываются не всегда созвучны. Отталкиваясь от французской версии неоклассицизма, эти проявления можно было бы считать апелляцией к стилю Людовика XVI и интенциями эпохи Директории. Подобный симбиоз прослеживается на примере распространения такого выдающегося явления в мебельном искусстве, как «стиль жакоб». Если в Петербурге мебель красного дерева с «латунным убором» наполняла преимущественно жилые комнаты, то в Москве встречалась в том числе и в парадных апартаментах. Находясь в окружении пестро вызолоченных предметов обстановочного комплекса, она в силу принципиальной сдержанности своего лапидарного образа создавала ощутимый стилистический диссонанс.

Непосредственно организация мебельного убранства в московских усадьбах осуществлялась в соответствии с западноевропейскими художественными традициями в области интерьерного проектирования, однако общепринятые правила осваивались здесь избирательно. Обстановочный комплекс представлял собой своеобразный симбиоз передовых французских и британских идей, переработанных в соответствии с национальной традицией. Как показывает анализ архивных описей, определенные предписания тем не

менее соблюдались неукоснительно. В этом контексте значимыми являлись незыблемые правила организации предметной среды с учетом ее подчинения тектонике интерьера, что отчетливо прослеживается на примере архитектурной мебели. Кроме того, при формировании ансамбля строго соблюдалось единство колористического решения и тканого убранства.

В остальном же общепринятые правила в той или иной степени претерпевали изменения. В московских интерьерах, в отличие от петербургских, полностью проектировавшихся одним архитектором, мебельное убранство далеко не всегда представляло собой полноценный комплект – особенно в период господства раннего классицизма. Одна часть предметов интерьерного убранства закупалась за границей, другая выполнялась на заказ вольными и крепостными мастерами с опорой на популярные западноевропейские увражи в тесной связи с личными предпочтениями заказчиков; некоторые вещи перевозились из петербургских домов в московские усадьбы, где стилистически, конечно, отнюдь не всегда вписывались в целостный ансамбль.

На этапе зрелого классицизма вышеприведенный сценарий меняется благодаря развитию мебельной промышленности, но в целом в старой столице продолжало царить вполне свободное отношение к западноевропейским канонам создания ансамбля. В мебельном убранстве театра-дворца усадьбы Останкино, являющегося выдающимся образцом московского классицизма конца столетия, например, наблюдается выраженный стилистический плюрализм. Патриархальный уклад московской жизни, а также дух соперничества с неумолимым стремлением «пленить и удивить» накладывали неизгладимый отпечаток на облик убранства интерьеров, характеризующихся неповторимым колоритом творческой изобретательности и московской задушевности.

Особое внимание во второй главе уделено специфике мебельного убранства жилых покоев. На примере подмосковной усадьбы Марково показано, что в начале 1760-х годов внимание личным комнатам с художественной точки зрения практически не уделялось. Однако с распространением классицизма

ситуация радикально меняется, о чем ярко свидетельствуют интерьеры Дома уединения в «англо-китайском» парке усадьбы Кусково. Художественно-выразительные приемы отделки его интерьеров соответствовали стилистической концепции эпохи, соотносясь с понятиями регулярности и соразмерности. Ансамбль убранства составляли предметы мебели в стилистике раннего классицизма, которые дополнялись бронзовыми светильниками, произведениями живописи и графики, изделиями из фарфора и бисера, отражающими тонкий вкус владельца.

В последней трети «галантного века» на мебельное убранство частных апартаментов оказала самое непосредственное влияние стилевая эволюция, что, в частности, демонстрирует характер отделки Старых хором усадьбы Останкино. В их предметно-пространственной среде преобладала мебель в «стиле жакоб»; при этом в отличие от парадных интерьеров театра-дворца здесь наблюдалось не только значительное типологическое многообразие подобных предметов, но и весьма органичный симбиоз со всеми прочими составляющими интерьерного ансамбля. Хотя роль этих вещей сводилась прежде всего к функциональности, они в то же время выступали своеобразной художественной доминантой. На примере меблировки интерьеров Старых хором отлично прослеживается повышенное стремление человека конца XVIII столетия к комфорту и камерности: отныне большое внимание уделяется не только отделке парадных залов, но и уюту в жилых комнатах.

Третья глава освещает проблему сопутствующих классицизму течений в предметно-пространственной среде московских интерьеров, в рамках которой мебель представлена как своеобразный индикатор стремительно меняющейся стилевой ситуации и отражение последних модных веяний. В исследовании показывается, что наиболее «долговечным» стилистическим явлением стала мебель шинуазри, которая была популярна практически в течение всего XVIII столетия. Проблема «Восток-Запад» рассматривается в контексте парадных интерьеров и парковых павильонов. Наиболее высоко современниками ценилась лаковая мебель японской работы, ставшая образцом для западноевропейских и

русских мастеров. Однако более распространенной оказалась «мода на Китай», который по ряду объективных причин в первую очередь ассоциировался с культурой Востока среди прочих азиатских стран. Особым феноменом в художественной традиции классицизма стало направление тюркери после победоносных русско-турецких войн, апеллирующее к восточной неге и комфорту. Неслучайно оно нашло выражение прежде всего в обустройстве нового типа полупарадного интерьера под названием «Диванная», снискавшего популярность и в Петербурге, и в Москве.

Затем раскрываются проявления египтомании в московской мебели первой половины 1790-х годов, ставшие предвестниками ампира. Подобная постановка проблемы позволяет сделать выводы о взаимодействии заказчика и архитектора, а вместе с тем изучить египетскую тему в контексте символического подтекста интерьеров. В процессе исследования показано, что египетские мотивы встречаются в пространстве Останкинского дворца повсеместно – в художественном решении мебели, а также в скульптурном и архитектурном убранстве интерьеров. При этом из всего арсенала египетских мотивов, существующего в культуре XVIII века, востребованным оказался лишь образ сфинкса. По подсчетам автора, в парадных залах театра-дворца в той или иной интерпретации совокупно встречается более ста сфинксов, трактованных с традиционной древнеегипетской атрибутикой. Возможно, помимо сугубо декоративной функции, этот мотив имел символично-аллегорические коннотации, связанные с идеей познания или мудрого правления: в понимании современников Египет нередко отождествляется с Античностью, воспринимаясь в качестве «уроков седой старины»³³.

Отдельно рассматриваются художественные особенности московской мебели в «готическом вкусе» конца XVIII века, входившей в убранство интерьеров усадебных домов графов Шереметевых. В научный оборот вводятся редкие предметы сохранившейся неоготической мебели из коллекции ГМЗ

³³ *Рязанцев И.В.* Российская дань классике. Роль московской школы в развитии отечественного зодчества и влияния второй половины XVIII – начала XIX века. М., 2017. С. 45.

«Останкино и Кусково», изготовленные крепостными мастерами в 1790-е годы. Вместе с тем на основе архивных материалов прослеживается специфическая роль русской «готики» в предметно-пространственном контексте интерьеров эпохи Просвещения. На примере обстановки Парадной спальни в усадьбе Кусково становится очевидным, что в «покоях великолепия» неоготическая мебель пока выступала инородным элементом. Дополненная модными предметами в «английском вкусе», в ансамбле раннего классицизма она выглядела особенно чужеродно. С одной стороны, архивные описи с достоверностью показывают «живую» обстановку усадебных интерьеров, отличавшихся известной московской задушевностью. С другой же, такой подбор неоднородных по своим художественным качествам предметов, вероятно, мог быть отражением личного вкуса и характера заказчика. Кроме того, появление «готических» ширм в «покоях великолепия» ознаменовало собой начавшийся процесс интимизации интерьеров, переживший период расцвета уже в XIX столетии.

Четвертая глава посвящена идейно-образной программе интерьеров классицизма, важнейшей частью которой стала мебель. Важной в этом отношении линией, связанной с парадными залами усадебного дома, является аллегорическая программа. С точки зрения содержательной нагрузки, как и в эпоху барокко, главенствующее положение в ансамбле интерьера занимали монументальные росписи. Между тем под сенью идейного замысла отныне объединялись не только «три знатнейших художества», но, что особенно примечательно, и произведения декоративно-прикладного искусства. На примере кусковских парадных залов мы сталкиваемся с включением архитектурной мебели в аллегорическую программу интерьерного убранства посредством декоративной отделки – знаменательным для раннего классицизма явлением, которое в иной трактовке получит распространение уже к концу столетия. Мебель, таким образом, не только стала значимым компонентом иносказательного подтекста, но и свидетельствовала о назначении конкретного интерьера.

Вместе с тем в усадебном ансамбле мебель нередко выступала элементом театрализации пространства, что просматривается на примере предметной среды парковых строений. В Китайской беседке на территории пейзажного парка усадьбы Кусково посетители могли облачиться в «китайское» платье и поучаствовать в чайной церемонии за столиком на «восточный» манер, а в Философском домике почувствовать себя аскетами, сидя на лавках с накладными подушками из сена. На стадии зрелого классицизма тема театрализации получила самобытное прочтение в интерьерах останкинского театра-дворца, где нередко создавалось «убранство к случаю» – мебель по воле заказчика обретает своеобразную «подвижность». Примером служат театральные киоски, а также съемные элементы в мебели – подобные перемены, таким образом, позволяли постоянно изменять окружающее пространство на манер театральной декорации.

Далее мебель рассматривается в контексте просветительской концепции подражания природе, известной еще со времен Античности. Предметы мебели, тем или иным образом стилизованные под «естественную натуру», появились в интерьерах императорских дворцов и дворянских домов уже на ранней стадии классицизма, однако не всегда соответствовали общему художественному замыслу или назначению конкретного помещения. Ситуация меняется в эпоху зрелого классицизма с распространением идей руссоизма и становлением канонов ансамбля, что прослеживается в предметно-пространственной среде усадебных павильонов. Мебель в духе подражания природе, предназначавшаяся для убранства их интерьеров, выполнялась с использованием древесной коры, сучьев, мха и других специфических материалов. В ходе анализа показано, что источником вдохновения при создании такой мебели могли служить модные британские проекты второй половины XVIII века, которые были творчески переосмыслены русскими мастерами.

В завершение мебель трактуется как произведение искусства и объект репрезентации в парадных интерьерах – ярким примером являются лаковые кабинеты японской работы 1640–1690-х годов, которые оставались актуальными

вплоть до конца XVIII столетия. В России, даже несмотря на переменчивые веяния моды и смену художественных стилей, аутентичные лаки продолжали восприниматься как ценные раритеты. Лаковая мебель – поначалу занимавшая почетное место в структуре дворянских кунсткамер, а затем послужившая важным элементом внутреннего убранства парковых павильонов – ставилась владельцами в один ряд со всевозможными «кунштюками». Важно отметить, что в семиотической структуре европейских студиоло и кунсткамер эта разновидность корпусной мебели издавна играла особую роль: несмотря на свое практическое назначение, именно кабинеты зачастую являлись самостоятельными произведениями искусства и объектами репрезентации. В контексте всей четвертой главы этот вывод приобретает обобщающее значение: содержательная программа мебельного убранства, в рамках которой даже отдельная вещь несет определенный символический подтекст, в эпоху классицизма оказывается чрезвычайно многогранна.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал позволяет реконструировать основные закономерности формирования мебельного убранства московских интерьеров эпохи классицизма и подвести итоги в соответствии с поставленными задачами. В ходе выявления художественных предпочтений графов Шереметевых стало очевидным, сколь значительную роль в становлении заказчика Нового времени играли семейное воспитание и уровень образования. Архитектурные трактаты и увражи, собранные в шереметевской библиотеке, служили неисчерпаемым источником идей при обустройстве собственных домов и усадеб.

Анализ взаимодействия заказчика и архитектора продемонстрировал принципиальное отличие московской модели от петербургской: если в северной столице ведущая роль в проектировании предметной среды принадлежала зодчему, то в Первопрестольной определяющим оказывалось слово владельца. При этом на протяжении рассматриваемого периода эта модель претерпевает показательную эволюцию: граф П.Б. Шереметев выступал полноценным

соавтором архитектора, тогда как Н.П. Шереметев, получивший образование европейского уровня, становится подлинным «арбитром вкуса», при котором уже архитектор оказывается соавтором заказчика.

Исследование ориентиров и прототипов московской мебели выявило особый механизм рецепции западноевропейских идей: прямое цитирование образцовых проектов, свойственное ранней стадии развития стиля, к концу столетия сменяется их творческой переработкой и компиляцией нескольких первоисточников в пределах одного предмета. Заграничные закупки, рассмотренные в работе как особая форма художественного заказа, с формированием московской мебельной школы становятся эпизодическими.

Анализ обстановочного комплекса парадных и жилых интерьеров свидетельствует о том, что в московской среде незыблемо соблюдались лишь отдельные каноны ансамбля – выявление композиционной оси посредством архитектурной мебели, единство колористического решения и тканого убранства, – тогда как понятие мебельного комплекта, главенствующее в западноевропейской практике, трактовалось более свободно. Изучение убранства Дома уединения и Старых хором продемонстрировало, что уже в первой половине 1780-х годов принципы ансамбля активно проникали и в приватное пространство, отражая новое отношение просвещенного человека к комфорту и эстетике повседневности.

Рассмотрение стилевых градаций в предметно-пространственной среде показало, что мебельное убранство московских домов отличалось стилистической амбивалентностью, при которой в пределах одного интерьера уживались классицистическая мебель в «новом вкусе», изделия в духе шинуазри, тюркери и неоготики, а также устаревшие предметы барокко и рококо. Существенно, что эта двойственность предстает не признаком провинциальной инертности, а осознанной позицией владельца: стилевая составляющая выступала гибким инструментом, который заказчик использовал по своему усмотрению – то «оберегая» сложившиеся ансамбли от новомодных вторжений, то, напротив, стремясь «пленить и удивить чувства людей».

Наконец, обращение к семантической структуре интерьеров позволило проследить эволюцию содержательной программы мебельного убранства. В эпоху раннего классицизма архитектурная мебель, спроектированная зодчими, органично включалась в аллегорические программы «покоев великолепия», транслируя панегирические, вакхические и анакреонтические темы в русле мировоззренческих концепций эпохи Просвещения. На зрелой стадии развития стиля семантическое начало не угасает, сосуществуя наряду с репрезентативным и театральным: экзотические мотивы – египетские, турецкие, «готические» – становятся неотъемлемыми элементами декорации интерьера.

Настоящая диссертация стала первым опытом комплексного анализа столь широкого круга актуальных проблем современного искусствознания непосредственно на примере мебельного убранства московских интерьеров. Так как исследование ограничивается деятельностью графов Шереметевых, в дальнейшем поставленные вопросы требуют более пристального изучения. Однако уже на данном этапе рассмотренный материал позволяет сделать некоторые наблюдения общего характера: прежде всего, о том, насколько многогранной и неоднородной была московская художественная ситуация. Именно усадебное пространство старой столицы явилось наиболее благодатной почвой для осуществления самых оригинальных творческих замыслов, которые в петербургской среде, выражаясь словами Г.Г. Гримма, «были бы исключены даже в проекте»³⁴.

В этой связи специфику московского интерьера, на наш взгляд, составляет особая подвижность границ между «своим» и «чужим», «старым» и «новым», «парадным» и «приватным». За внешней приверженностью «привычкам милой старины» угадывается отнюдь не инертность, а особая форма свободы – способность к избирательному, а не регламентированному восприятию европейских тенденций, с которыми представители аристократии были отлично знакомы. Московский заказчик, в отличие от петербургского, позволял себе

³⁴ Гримм Г.Г. Проект парка Безбородко в Москве (Материалы к изучению творчества Н.А. Львова) // Сообщения института истории искусств. 1954. Вып. 4–5. С. 135.

роскошь быть «несовременным» там, где это отвечало его внутренним потребностям, и стремительно «новым» там, где речь шла о желании удивить современников и реализации собственного творческого потенциала.

Предпринятое исследование открывает и дальнейшие перспективы. Мебельное убранство, трактуемое в качестве культурного текста эпохи, дает возможность проследить, как эволюция предметно-пространственной среды коррелировала с изменением коммуникативных и поведенческих моделей просвещенного общества, – в этом смысле каждый усадебный интерьер может трактоваться как своеобразный «портрет» своего владельца. Обращение к этим вопросам с привлечением более широкого круга архивных источников по московским домам и подмосковным усадьбам позволит вписать сделанные наблюдения в масштабную картину становления «частного человека» в России Нового времени.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. *Кочеткова А.Д.* Московская мебель в «стиле жакоб» на рубеже XVIII–XIX веков // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова³⁵. – 2022. – № 3-1. – С. 388–403. EDN: EIRBSJ. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). 0,82 п.л.
2. *Кочеткова А.Д.* Аллегорическая программа убранства парадных интерьеров в Большом доме усадьбы Кусково. Опыт интерпретации // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2023. – Т. 13. – С. 591–602. EDN: ZBRTEK. Импакт-фактор 0,351 (РИНЦ). 0,86 п.л.
3. *Кочеткова А.Д.* Французская мебель XVIII века из собрания усадьбы Кусково. Обстоятельства заказа и вопросы атрибуции // Декоративное

³⁵ Журнал был переименован. Прежнее название: «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА».

- искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2024. – № 1-2. – С. 373–384. EDN: XAOSOE. Импакт-фактор 0,144 (РИНЦ). 0,62 п.л.
4. *Кочеткова А.Д.* Мебельное убранство парадных интерьеров в подмосковных усадьбах графов Шереметевых. Роль заказчика и архитектора // Философия и культура. – 2025. – № 8. – С. 111–121. EDN: UPKRCX. Импакт-фактор 0,696 (РИНЦ). 0,91 п.л.
5. *Кочеткова А.Д.* Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века. На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых // Художественная культура. – 2025. – № 4. – С. 384–411. EDN: ABPTLZ. Импакт-фактор 0,350 (РИНЦ). 0,97 п.л.

Прочие публикации:

6. *Кочеткова А.Д.* «Готическая» мебель конца XVIII века из усадеб графов Шереметевых // Атрибуция предмета: интуиция, опыт, документ. Сборник научных статей XXVII Царскосельской конференции. – СПб.: Русская коллекция, 2021. – С. 467–478. EDN: CZTOGT. 0,61 п.л.
7. *Кочеткова А.Д.* Дом уединения в усадьбе Кусково. К вопросу об интерьерном убранстве жилых покоев первой половины 1780-х годов // Русская усадьба : Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Вып. 28 (44). – СПб.: Издательский дом «Коло», 2022. – С. 467–485. EDN: HDZBBE. 0,88 п.л.
8. *Кочеткова А.Д.* Подражание природе в русской мебели эпохи классицизма // *Loci Imperiales*. – 2025. – № 2. – С. 30–45. 1,0 п.л.
<https://peterhofmuseum.ru/assets/files/20251001/fa21027f1854adf9287a183a7909e902.pdf>
9. *Кочеткова А.Д.* Архитектурные трактаты и увражи в книжном собрании графов Шереметевых как отражение культурной политики Екатерины Великой // Екатерина II и русская культура: личность и эпоха. Сборник научных статей XXXI Царскосельской конференции. – СПб.: Русская коллекция, 2025. – С. 264–277. EDN: STCHLT. 0,58 п.л.